

УДК 343.37
ББК 67.408.12

Е.Г. Комиссарова
доктор юридических наук, профессор,
Пермский государственный национальный исследовательский университет

О.А. Кузнецова
доктор юридических наук, профессор,
Пермский государственный национальный исследовательский университет

Г.Я. Борисевич
кандидат юридических наук, доцент,
Пермский государственный национальный исследовательский университет

МЕЖОТРАСЛЕВАЯ ПРЕЮДИЦИЯ КАК СРЕДСТВО ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ПРЕСТУПНОСТИ

В статье исследуются проблемы межотраслевой (взаимной) преюдиции как средства борьбы с преступлениями в экономической сфере, анализируются пределы ее использования на основе новой редакции ст. 90 УПК РФ в системной связи с п. 4 ст. 61 ГПК РФ и п. 4 ст. 69 АПК РФ. Недостаточная научная разработанность отдельных аспектов взаимной преюдиции привела к злоупотреблению ею при расследовании экономических преступлений. Показана криминология закона на примере норм о межотраслевой преюдиции, вызванная проблемами пересечения двух видов судопроизводства – уголовного и гражданского. Законодательная конструкция межотраслевой преюдиции и практика ее применения позволяют избегать привлечения к ответственности за экономические преступления, содействуют общему росту числа уголовных правонарушений в исследуемой сфере. Представлены теоретически обоснованные правила использования межотраслевой преюдиции как средства противодействия экономической преступности, в частности, применение межотраслевой преюдиции не должно ограничивать суд, следователя, дознавателя, прокурора в оценке вступившего в законную силу решения суда по гражданскому делу в совокупности с иными доказательствами. Авторами дано доктринальное толкование нормы о взаимной преюдиции, направленное на снятие ее криминальности. Сделан вывод о том, что преюдициальное значение для уголовного дела должны иметь только факты, прямо установленные в гражданском судопроизводстве, а не принятые судом в силу презумпций или пассивного неоспаривания. Уточнены субъекты, на которых должно распространяться правило о межотраслевой преюдиции.

Ключевые слова: организованная преступность; криминология закона; межотраслевая преюдиция; коррупционная преступность; противодействие преступлениям в экономической сфере; криминологические правовые нормы.

E.G. Komissarova
Doctor of Law, Professor,
Perm State University

O.A. Kuznecova
Doctor of Law, Professor,
Perm State University

G.Ja. Borisevich
Candidate of Legal Sciences, Associated Professor,
Perm State University

CROSS-SECTORAL PREJUDGEMENT AS AN ECONOMICAL CRIME COUNTERMEASURE

The article studies problems of cross-sectoral (mutual) prejudgement as an economical crime countermeasure. The article analyses its application limits according to the new version of the art. 90 of the Criminal Code of the Russian Federation art. 90 in its relation to the art. 61 cl. 4 of the Civil

Procedure Code and the art. 69 cl. 4 of the Arbitration Procedure Code of the Russian Federation. Insufficient scientific development of some aspects of mutual prejudgement led to its abusive practice in economical crimes' investigation. The article reveals law criminology using an example of regulations on mutual prejudgement. This criminology is a result of two types of court procedures' cross over (civil and criminal). Legislative construction of cross-sectoral prejudgement and its application practice let some walk free for charges for economical crimes; contribute to general increase in economical crimes' number. The authors provide theoretically justified rules on cross-sectoral prejudgement application as an economical crime countermeasure. For instance, cross-sectoral prejudgement application may not circumscribe the court, examining official, investigator or prosecutor in evaluating court's civil case decision. The authors give doctrinal explanation of regulation on mutual prejudgement aimed at eliminating its criminogenity. They come to conclusion that prejudicially important can only be the facts on civil trial but no facts due to presumption and passive non-disputing. The article specifies list of subject that may use regulations on cross-sectoral prejudgement.

Key words: organized crime; law criminology; cross-sectoral prejudgement; corruption crime; economical crimes counteraction; criminogenic law rules.

Одним из перспективных направлений развития отечественной криминологической науки становится криминология закона. Трудно не признать тот факт, что среди весомых причин, содействующих преступности в экономической сфере, выделяются состояние и постоянное «разрастание», изменение действующего законодательства [1]. В фокусе изучения криминологии закона находятся неэффективные и криминогенные нормы права. Нередко норма права становится криминогенной не только по причине непродуманности ее законодателем, но и «благодаря» неправильной практике ее применения.

Реформирование уголовно-процессуального законодательства привело к появлению обновленной нормы о преюдиции (ст. 90 УПК РФ) [6]. Согласно ее действующей редакции, обстоятельства, установленные вступившим в законную силу приговором либо иным вступившим в законную силу решением суда, принятым в рамках гражданского, арбитражного или административного судопроизводства, признаются судом, прокурором, следователем, дознавателем без дополнительной проверки. При этом такие приговор или решение не могут предрешать виновность лиц, не участвовавших ранее в рассматриваемом уголовном деле.

До внесения изменений в ст. 90 УПК РФ правила о межотраслевой преюдиции не были взаимными, поскольку являлись лишь элементом гражданско-процессуальной формы. С внесением изменений в УПК РФ эффект ранее состоявшихся судебных актов будет проявляться в области не только гражданской юрисдикции, но и уголовной. Фактически произошло нор-

мативное расширение понятия «преюдиция», и оно вновь обрело межотраслевое значение, в то время как, согласно прежней редакции ст. 90 УПК РФ, суд, прокурор, следователь, дознаватель могли при наличии сомнений перепроверить обстоятельства, которые уже были установлены вступившим в законную силу другим судебным актом из другого вида судопроизводства.

Однако неоднозначная, стихийно складывающаяся практика применения ст. 90 УПК РФ стала приводить к «блокированию» решением по гражданскому делу расследования уголовных дел по экономическим преступлениям. Многие преступления в экономической сфере совершаются посредством гражданско-правовых средств – сделок, договоров, доверенностей и т.п. Впоследствии при расследовании соответствующих уголовных дел именно эти документы фигурируют в качестве основных письменных доказательств. Подозреваемые в совершении преступления лица, используя потенциал межотраслевой преюдиции, ссылаясь на отрицательное решение по гражданскому делу (например, отказ в признании гражданско-правовой сделки недействительной), фактически получают легальную возможность ухода от уголовной ответственности, что известным образом содействует общему темпу роста числа корыстных преступлений экономической направленности.

Проиллюстрируем сказанное конкретным примером. Гражданка П., являющаяся директором ООО «Н», заключила от имени общества с ЗАО «С» договор займа, договор залога акций, соглашение об отступном. Директор ЗАО «С»

гражданин Т. направил в адрес подозреваемой П. отчет об оценке по определению рыночной стоимости акций в размере 36 750 тыс. р. 27 августа 2009 г. П. заключила договор займа от имени ООО «Н» с ЗАО «С» на сумму 35 млн р. В этот же день П. в качестве обеспечения исполнения обязательств по договору займа заключила договор залога акций и получила во исполнение условий договора займа П. векселя на сумму 35 млн р. Спустя три дня П., не имея на то объективных оснований, подписала соглашение об отступном, согласно которому стороны договариваются о прекращении всех взаимных обязательств, вытекающих из договоров займа и залога, при этом ООО «Н» предоставляет ЗАО «С» взамен исполнения обязательств по договору займа принадлежащие ему на праве собственности акции стоимостью 35 млн р. Согласно заключению эксперта, стоимость отчужденных акций составила 218 072 242 р.

С учетом изложенного действия П. были квалифицированы как преступление, предусмотренное ч. 4 ст. 160 УК РФ. Однако многочисленными судебными актами, принятыми в арбитражном судопроизводстве, заинтересованным лицам (учредителям ООО) было отказано в исках о признании недействительными договора займа, договора залога акций и соглашения об отступном, а также в применении двусторонней реституции. Уголовное дело было возвращено прокурором следователю для производства дополнительного следствия, поскольку «выводы арбитражных судов свидетельствуют о том, что действия директора П. по заключению всех оспариваемых гражданско-правовых договоров соответствуют требованиям действующего законодательства» [12]. Как видим, использование межотраслевой преюдиции позволяет лицам, совершившим преступления, оставаться за пределами уголовного преследования, что крайне негативно сказывается на общей криминологической ситуации в данной сфере. К сожалению, примеры, подобные вышерассмотренному, не единичны, и их количество продолжает увеличиваться, что во многом обусловлено отсутствием надлежащей криминологической оценки межотраслевых преюдициальных правил и теоретического обоснования их использования. В связи с тем что окончательная редакция ст. 90 УПК РФ оказалась более категоричной, нежели это предполагалось на момент принятия решения о внесении изменений в данную норму (из-

начально предполагалось, что норма должна была быть дополнена ссылкой на презумпцию законности решений арбитражных судов и судов общей юрисдикции до их отмены в установленном порядке), неоднозначными оказались доктринальные итоги состоявшихся законодательных изменений.

Во-первых, усилился теоретический напор на терминологический ряд, «обслуживающий» преюдицию, когда в число небесспорных обратились такие понятия, как «преюдициальные обстоятельства», «преюдициальные пределы», «преюдициальная связь». Во-вторых, у нового законодательного подхода появились как последовательные сторонники, так и противники. Ведущими аргументами сторонников межотраслевой преюдиции являются в общем-то те же идейные посылы, которые использованы и самим законодателем. В их числе идея о том, что, в соответствии со ст. 10 и 118 Конституции РФ, предусматривающими обязательность всех судебных решений [3, с. 57, 59], уголовные суды обязаны уважать решения других судов. Безусловно, заслуживает внимания и тот аргумент, что с принятием изменений в ст. 90 УПК РФ устранен установленный ранее приоритет уголовного судопроизводства над гражданским, арбитражным и административным, «что существенно повышает эффективность реализации преюдиции в целом» [13, с. 104]. Весьма существенным доводом за является и аргумент о том, что противопоставление актов отдельных ветвей судебной власти опасно.

В числе аргументов, высказываемых противниками межотраслевой преюдиции, ведущим является мнение о том, что уголовный и гражданский процессы существенно различаются по сущности, принципам, целям и задачам функционирования, а также по порядку сбора, проверки и оценки доказательств. По мнению авторов этой группы, принцип свободной оценки доказательств, закрепленный в ст. 17 УПК РФ, согласно которому никакие доказательства, в том числе решения гражданских судов, не имеют заранее установленной силы, оказывается проигнорированным [11, с. 187]. Существование же межотраслевых преюдиций без ограничений представляется недопустимым, так как это может негативно повлиять на определение предмета и пределов доказывания по уголовному делу, а также вызвать нарушение прав граждан, вовлеченных в

сферу уголовно-процессуальных отношений [2, с. 7]. Высказано также суждение о том, что в связи с приданием преюдиции межотраслевого значения уголовный процесс утрачивает свою самостоятельность, так как происходит подмена актов уголовного судопроизводства актами гражданского. Именно неправильное понимание соотношения двух видов судопроизводства приводит к криминогенности норм о межотраслевой преюдиции.

Различия между уголовным и гражданским процессами существенны. Ведь базой частноправовых процессов является диспозитивность, в то время как основа уголовного процесса – стремление к материальной истине, а потому «нет ничего удивительного в том, что факт, установленный судом за пределами уголовного процесса, далеко не всегда равнозначен фактам, выявленным по уголовному делу. В первом случае он может всего лишь отражать позицию сторон по определенной проблеме, во втором должен точно соответствовать реальности» [3, с. 58].

Однако нетрудно заметить, что аргументы противников выстроены главным образом не на различиях процессов, а на их противопоставлении. Как отмечает последовательный противник межотраслевой преюдиции П.А. Скобликов, органам правосудия в гражданском (арбитражном) процессе, где главенствует принцип состязательности (а состязаются частные, неравные по своим возможностям субъекты), успех зачастую сопутствует не тому, кто прав по существу, а тому, кто сильнее прежде всего в финансовом отношении, ибо этот ресурс легко трансформируется во все другие [11, с. 181]. Подобная категоричность в обосновании, выстроенном на «неравных по своим возможностям субъектах», в то время когда закон признает участников гражданского судопроизводства юридически (а не финансово) равными, а также опора автора на случаи порочной судебной практики, а не на должное в правоприменении дает неограниченный простор для постановки под сомнение всего института межотраслевой преюдиции. Возражая противникам межотраслевой юрисдикции, В.В. Лазарев справедливо указал на несостоятельность попыток противопоставления уголовного процесса гражданскому и арбитражному, так как суд – публичный институт, и деятельность суда, вне зависимости от категории дел, которые он рассматривает, носит публичный характер [5].

Несмотря на то что вопрос о преюдициальности в теории судебного права, по замечанию Г.М. Резника, это всегда «вопрос перманентно дискуссионный», преюдициальные нормы, действующие в различных отраслях российского права, уже показали свою работоспособность в части формулирования правил, направленных на освобождение от доказывания [10]. Так, согласно п. 4 ст. 61 ГПК РФ, «вступивший в законную силу приговор суда по уголовному делу обязателен для суда, рассматривающего дело о гражданско-правовых последствиях действий лица, в отношении которого вынесен приговор суда, по вопросам, имели ли место эти действия и совершены ли они данным лицом». В соответствии с п. 4 ст. 69 АПК РФ, «вступивший в законную силу приговор суда по уголовному делу обязателен для арбитражного суда по вопросам о том, имели ли место определенные действия и совершены ли они определенным лицом». Признанными являются достоинства этих норм, связанные с ускорением и упрощением процесса доказывания и в конечном итоге с эффективностью правоприменения, позволяя связывать процессы доказывания разных отраслей права в отношении одних и тех же фактов.

Уголовно-правовая преюдиция в литературе определена как уголовно-процессуальное правило, согласно которому для суда, рассматривающего уголовное дело, в определенной части обязателен вступивший в законную силу приговор по ранее рассмотренному уголовному делу, а также судебные решения, принятые в рамках других процессуальных отношений [2, с. 7]. Нетрудно увидеть, что в сути своей данное определение преюдиции принципиально не отличается от понимания преюдиции в гражданском процессе как «установления судом конкретных фактов, которые закрепляются в мотивировочной части судебного акта и не подлежат повторному судебному установлению при последующем разбирательстве иного спора между теми же лицами. Преюдициальность предусматривает не только отсутствие необходимости повторно доказывать установленные в судебном акте факты, но и запрет на их опровержение» [9]. Бесспорно, что введение в уголовный процесс наряду с внутриотраслевой преюдицией преюдиции межотраслевой изменяет обычный (вернее, привычный) процесс доказывания по уголовному делу, когда в разряде «неприкасаемых» появляются отдельные факты и суд

по уголовным делам оказывается связанным актами других судебных инстанций при определении предмета доказывания. Однако вряд ли в данном вопросе надлежит идти по пути отрицания сделанного законодателем шага в сторону межотраслевой преюдиции.

Представляется более актуальным подход, направленный на тематизацию проблемы, существовавшей во время взаимных преюдиций еще в законодательстве советского периода. Суть вопроса остается прежней: как поступать при коллизии между преюдициальными фактами и внутренним убеждением судей, оценивающих доказательства в конкретном уголовном деле. Более просто его можно сформулировать так: как справиться с преюдициальной связью, чтобы не нарушить принцип свободной оценки доказательств. Исследуемая норма о преюдиции находится в разделе «Доказательства и доказывание», и ее смысл надлежит воспринимать с опорой на содержание соответствующего института, опирающегося на принцип свободы оценки доказательств. Согласно данному принципу, судья, присяжные заседатели, а также прокурор, следователь, дознаватель оценивают доказательства по своему внутреннему убеждению, основанному на совокупности имеющихся в уголовном деле доказательств, руководствуясь при этом законом и совестью, и никакие доказательства не имеют заранее установленной силы (ст. 17 УПК РФ). Так, ст. 90 УПК РФ запрещает проверять обстоятельства, установленные вступившим в законную силу решением суда, однако не лишает суд, прокурора, следователя, дознавателя права оценивать их содержание наряду и в совокупности с другими доказательствами по делу по правилам ст. 88 УПК РФ. Аналогичный подход закреплен в п. 23 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 28 декабря 2006 г. № 64 «О практике применения судами уголовного законодательства об ответственности за налоговые преступления» [7].

В любом случае, даже при наличии вступившего в силу решения суда лицо, уполномоченное проводить предварительное расследование, не освобождается по действующему законодательству от полного, всестороннего и объективного следствия. В связи с этим в правовой литературе справедливо отмечается, что наличие решения по гражданскому делу не должно ограничивать следователя и суд в собирании и оценке доказательств, устанавливающих все элементы предмета доказывания по

уголовному делу, в том числе событие преступления и действия обвиняемого [4].

Преюдиция как в период ее появления в римском праве, так и в течение всей последующей истории отечественного права никогда не обладала качеством безграничности и никогда не означала обязательности всех без исключения обстоятельств, событий, фактов, так или иначе содержащихся в принятом ранее решении. Вот и ст. 90 УПК РФ закрепляет преюдициальное значение только за обстоятельствами, установленными гражданским судом. Нельзя исключить, что в части вычленения этих фактов из ряда прочих могут возникать трудности.

Поэтому сегодня в числе актуальных задач криминологии закона оказывается вопрос о соотношении части доказательственных понятий из сферы гражданского судопроизводства с аналогичными по значению понятиями из уголовного судопроизводства, адаптация части из них к процессу доказывания в сфере уголовного судопроизводства таким образом, чтобы это не блокировало уголовный процесс, не содействовало «уходу» виновных в совершении экономических преступлений лиц от ответственности. В соответствии с принципами доказывания в гражданском и арбитражном процессах, некоторые обстоятельства суд непосредственно не устанавливает, а признает установленными. Таково, например, действие процессуальных презумпций: если противоположной стороной не доказано иное, то презюмируемый факт признается судом установленным. Кроме того, в арбитражном процессе признанные сторонами в результате достигнутого между ними соглашения обстоятельства принимаются арбитражным судом в качестве фактов, не требующих дальнейшего доказывания (ч. 2 ст. 70 АПК РФ), т.е. также считаются установленными. Признание стороной обстоятельств, на которых другая сторона основывает свои требования или возражения, освобождает другую сторону от необходимости доказывания таких обстоятельств (ч. 3 ст. 70 АПК РФ), и таким образом они также признаются судом установленными.

В 2007 г. в АПК РФ была введена норма, согласно которой обстоятельства, на которые ссылается сторона в обоснование своих требований или возражений, считаются признанными другой стороной, если они ею прямо не оспорены или несогласие с такими обстоятельствами не вытекает из иных доказательств, обосновывающих представленные

возражения относительно существования заявленных требований (ч. 3.1 ст. 70 АПК РФ). Следовательно, если какие-либо обстоятельства сторона не оспорила (а причины этого могут быть разными, в том числе и недостаточная правовая грамотность), то и эти обстоятельства суд вправе считать установленными. Таким образом, если суд при производстве по гражданскому или арбитражному делу установил какие-либо обстоятельства только, например, в силу их признания стороной либо недоказанности обратного, то данный вывод однозначно не может иметь преюдициальное значение в уголовном процессе. Тем более не имеет такого значения суждение суда, сделанное на основании юридических фактов, отличных от тех, на которых строят обвинение дознаватель, следователь, прокурор и суд в уголовном процессе.

Данная позиция согласуется с положениями постановления Конституционного Суда РФ от 21 декабря 2011 г. № 30-П о том, что в силу объективных и субъективных пределов действия законной силы судебного решения для органов, осуществляющих уголовное судопроизводство, не могут являться обязательными обстоятельства, установленные судебными актами других судов, если этими актами дело по существу не было разрешено или если они касались таких фактов, фигурировавших в гражданском судопроизводстве, которые не являлись предметом рассмотрения и потому не могут быть признаны установленными вынесенным по его результатам судебным актом [8]. Также в указанном постановлении Конституционный Суд Российской Федерации определил, что «фактические обстоятельства, установленные вступившим в законную силу судебным актом, разрешившим дело по существу в порядке гражданского судопроизводства, сами по себе не определяют выводы суда о виновности обвиняемого по уголовному делу, которая устанавливается на основе всей совокупности доказательств, включая не исследованные при разбирательстве гражданского дела доказательства, подлежащие рассмотрению в установленных уголовно-процессуальным законом процедурах, что в дальнейшем может повлечь пересмотр гражданского дела по вновь открывшимся обстоятельствам». Важным является и суждение суда о том, что «закрепление в процессуальном законе преюдициального значения обстоятельств по ранее рассмотренному делу не

означает предопределенности окончательных выводов суда по уголовному делу ранее состоявшимся судебным решением, принятым в другом виде судопроизводства в иных правовых процедурах».

Для того чтобы межотраслевая преюдиция перестала находиться на «вооружении» у лиц, совершивших экономические преступления, в качестве средства «уклонения» от уголовной ответственности, а стала надежным уголовно-процессуальным средством противодействия преступности, необходимо учитывать следующее. Норма о преюдиции в уголовном процессе, выстроенная с учетом принципов уголовного процесса и правил оценки доказательств, не направлена на лишение суда, следователя, дознавателя, прокурора права оценивать вступившее в законную силу решение суда по гражданскому делу в совокупности с иными имеющимися доказательствами, собранными в порядке, установленном УПК РФ. Надлежит ясно установить, какие из норм о доказательствах в гражданском процессе, соответствующие объективным процессам познания, с введением правил межотраслевой преюдиции становятся «сквозными» и для сферы уголовного судопроизводства. Недоказанность какого-либо обстоятельства в гражданском деле не должна приравниваться к установлению обратного ему обстоятельства. Например, если истец не доказал недействительность сделки в гражданском процессе, из этого не следует однозначного вывода о правомерности такой сделки в рамках уголовного процесса.

Для решения криминологических задач борьбы с экономическими преступлениями при применении преюдиции важно различать в рамках гражданского процесса факты, установленные судом, и факты, признанные судом установленными в силу презумпций, признания или пассивного неоспаривания их противоположной стороной. Преюдициальное значение должны иметь только факты, прямо установленные судом. Для устранения признаков неэффективности и криминогенности нормы о межотраслевой преюдиции необходимо нормативно закрепить, что при расследовании и рассмотрении уголовного дела обстоятельства, установленные вступившим в законную силу решением арбитражного или гражданского суда, не требуют дополнительной проверки, если потерпевший, подозреваемый (обвиняемый) участвовали в деле, разрешенном этими судами.

ПРИСТАТЕЙНЫЙ СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Авдеев В.А., Авдеева О.А. Уголовно-правовая политика в сфере противодействия преступлениям коррупционной направленности / В.А. Авдеев, О.А. Авдеева // Актуальные проблемы противодействия коррупционным преступлениям. – Хабаровск : Юрист, 2013. – С. 8–12.
2. Божьев В. Издержки системного характера при корректировке норм УПК о доказывании и преюдиции / В. Божьев // Законность. – 2010. – № 6. – С. 3–7.
3. Колоколов Н.А. Преюдиция. Преступления в сфере экономики: факты одни, а их оценки у судов общей юрисдикции и арбитражных судов разные / Н.А. Колоколов // Юрист. – 2009. – № 6. – С. 56–65.
4. Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации / науч. ред. В.Т. Томин, М.П. Поляков. – М. : Юрайт, 2012. – 1371 с.
5. Лазарев В.В. Прецедентное решение Конституционного Суда Российской Федерации / В.В. Лазарев // Журнал российского права. – 2009. – № 6. – С. 114–123.
6. О внесении изменений в часть первую Налогового кодекса Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации : федер. закон от 29.12.2009 г. № 383-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2010. – № 1. – Ст. 4.
7. О практике применения судами уголовного законодательства об ответственности за налоговые преступления : постановление Пленума Верхов. Суда РФ от 28.12.2006 г. № 64 // Российская газета. – 2006. – 31 дек.
8. Постановление Конституционного Суда РФ от 21 декабря 2011 г. № 30-П по делу о проверке конституционности положений статьи 90 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой граждан В.Д. Власенко и Е.А. Власенко // Российская газета. – 2012. – 11 янв.
9. Постановление ФАС Уральского округа от 21.05.2008 г. № Ф09-3637/08-С2 по делу № А71-41/04 [Электронный ресурс]. – Доступ из СПС «КонсультантПлюс».
10. Резник Г.М. Не дать преюдиции стать капканом / Г.М. Резник // Новая адвокатская газета. – 2010. – № 10 (75). – С. 2.
11. Скобликов П.А. Проблемы современной преюдиции: арбитражный процесс блокирует уголовный? / П.А. Скобликов // Закон. – 2010. – № 4. – С. 178–191.
12. Уголовное дело № 2854 // Архив ОВД СЧ ГСУ ГУ МВД России по Пермскому краю за 2010 г.
13. Щерба С., Чащина И. Новый закон о преюдиции в уголовном процессе: сущность и значение / С. Щерба, И. Чащина // Уголовное право. – 2010. – № 3. – С. 103–107.

REFERENCES

1. Avdeev V.A., Avdeeva O.A. Criminal and legal policy in the sphere of corruption crimes' counteraction. [Ugolovno-pravovaja politika v sfere protivodejstvija prestuplenijam korrupcionnoj napravlenosti]. *Aktual'nye problemy protivodejstvija korrupcionnym prestuplenijam – Current issues on corruption crimes counteraction*, Habarovsk, 2013, pp. 8–12.
2. Bozh'ev V. Systematic penalties while improving regulations of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation relating to prejudgement proof. [Izderzhki sistemnogo haraktera pri korektirovke norm UPK o dokazyvanii i prejudicii]. *Zakonnost' – Legal order*, 2010, no. 6, pp. 3–7.
3. Kolokolov N.A. Prejudgement. Economical crimes: same facts but evaluated differently by general jurisdiction courts and arbitration courts. [Prejudicija. Prestuplenija v sfere jekonomiki: fakty odni, a ih ocenki u sudov obshej jurisdikcii i arbitrazhnyh sudov raznye]. *Jurist – Jurist*, 2009, no. 6, pp. 56–65.
4. Commentary ON the Criminal PROCEDURE Code of the Russian Federation. Editer by V.T. Tomin, M.P. Poljakov [Kommentarij k Ugolovno-processual'nomu kodeksu Rossijskoj Federacii / nauch. red. V.T. Tomin, M.P. Poljakov]. Moscow, 2012, 1371 p.
5. Lazarev V.V. Decision of the Constitutional Court of the Russian Federation [Precedentnoe reshenie Konstitucionnogo Suda Rossijskoj Federacii]. *Zhurnal rossijskogo prava – Russian law journal*, 2009, no. 6, pp. 114–123.
6. Fedral Law No. 383-FZ of the Russian Federation on amendments to the 1st part of the Tax code of the Russian Federation and to some laws of the Russian Federation dated 29 December 2009. [O vnesenii izmenenij v chast' pervuju Nalogovogo kodeksa Rossijskoj Federacii i ot del'nye zakonodatel'nye akty Rossijskoj Federacii : feder. zakon ot 29.12.2009 g. № 383-FZ]. *Sobranie zakonodatel'stva Rossijskoj Federacii – Official Gazette*, 2010, no. 1, p. 4.
7. Enactment of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation No. 64 on practice of criminal legislation related to responsibility for tax crimes application by courts dated 28 December 2006. [O praktike primenenija sudami ugolovnogo zakonodatel'stva ob otvetstvennosti za nalogovye prestuplenija : postanovlenie Plenuma Verhov. Suda RF ot 28.12.2006 g. № 64]. *Rossijskaja gazeta – Russian newspaper*, 2006, 31 dek.
8. Decision of the Constitutional Court of the Russian Federation No. 30-P on the Criminal Procedure Code of the Russian Federation art. 90 constitutionality test dated 21 December 2011. [Postanovlenie Konstitucionnogo Suda RF ot 21 dekabrja 2011 g. № 30-P po delu o proverke konstitucionnosti polozhenij stat'i 90 Ugolovno-processual'nogo kodeksa Rossijskoj Federacii v svjazi s zhaloboj grazhdan V.D. Vlasenko i E.A. Vlasenko]. *Rossijskaja gazeta – Russian newspaper*, 2012, 11 janv.
9. Ural district FAS decision No. F09-3637/08-S2 on case No. A71-41/04 dated 21.05.2008. [Postanovlenie FAS Ural'skogo okruga ot 21.05.2008 g. № F09-3637/08-S2 po delu № A71-41/04]. Available at: «Konsul'tantPlius».

10. Reznik G.M. Don't let the prejudgement become a trap. [Ne dat' prejudicii stat' kapkanom]. *Novaja advokatskaja gazeta – New attorneys' newspaper*, 2010, no. 10 (75), pp. 2.
11. Skoblikov P.A. Modern prejudent issues: does arbitration procedure block the criminal one? [Problemy sovremennoj prejudicii: arbitrazhnyj process blokiruet ugovolnyj?]. *Zakon – Law*, 2010, no. 4, pp. 178–191.
12. Criminal case No. 2854. Perm krai archive for year 2010. [Ugovolnoe delo № 2854]. Arhiv OVD SCh GSU GU MVD Rossii po Permskomu kraju za 2010 g.]
13. Shherba S., Chashhina I. New law on prejudgement in criminal process: its essence and importance. [Novyj zakon o prejudicii v ugovolnom processe: sushhnost' i znachenie]. *Ugovolnoe pravo – Criminal law*, 2010, no. 3, pp. 103–107.

Сведения об авторах

Комиссарова Елена Генриховна – профессор кафедры гражданского права федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего профессионального образования «Пермский государственный национальный исследовательский университет», доктор юридических наук, профессор, Пермь; e-mail: eg-komissarova@yandex.ru.

Кузнецова Ольга Анатольевна – профессор кафедры гражданского права федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего профессионального образования «Пермский государственный национальный исследовательский университет», доктор юридических наук, профессор, Пермь; e-mail: kuznetsova_psu@mail.ru.

Борисевич Галина Яковлевна – заведующий кафедрой уголовного процесса и криминалистики федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего профессионального образования «Пермский государственный национальный исследовательский университет», кандидат юридических наук, доцент, Пермь; e-mail: kafedra-upik-pgniu@yandex.ru.

About the authors

Komissarova Elena Genrihovna – Professor of Department of Civil Law of Perm State University, Doctor of Law, Professor, Perm; e-mail: eg-komissarova@yandex.ru.

Kuznecova Ol'ga Anatol'evna – Professor of Department of Civil Law of Perm State University, Doctor of Law, Professor, Perm; e-mail: kuznetsova_psu@mail.ru.

Borisevich Galina Jakovlevna – Head of Department of Criminal process and criminalistics of Perm State University, Candidate of Legal Sciences, Associated Professor, Perm; e-mail: kafedra-upik-pgniu@yandex.ru.